

За ним кто-то шёл.

Линь Цзичу чувствовал себя всё хуже, но даже сквозь нарастающую слабость отчётливо ощущал чужой взгляд спиной. Слишком явным было это тревожное чувство преследования.

В голове крутилось лишь одно имя, однако Линь Цзичу отчаянно трусил: а вдруг сзади крадётся чужак? Мало ли в темноте грабителей.

Впрочем, до крайности вряд ли дойдёт. Они всё-таки на территории киностудии, куда пускают только своих. Днём-то посторонних почти не бывает, а уж глухой ночью и подавно.

Пройдя ещё немного в нарастающем напряжении, Линь Цзичу резко остановился и круто обернулся.

Он надеялся застать преследователя врасплох, но тот даже не подумал спрятаться. Человек спокойно, размеренным шагом сокращал дистанцию.

Перед ним стоял Шэнь Цихань.

На душе сразу потеплело от облегчения, но тут же вспыхнула досада. И надо же было так красться молча, пугая до полусмерти!

Линь Цзичу наградил его испепеляющим взглядом, отвернулся и припустил вперёд. Хотелось поскорее оторваться от этого молчуна и сделать вид, что они незнакомы.

Поняв по сердитому прищуру, что дело плохо, Шэнь Цихань прибавил шаг и быстро поравнялся с ним.

— Что случилось? Злишься? — поинтересовался он. Шэнь Цихань не отставал ни на шаг, заглядывая спутнику в лицо с лёгкой улыбкой.

— Нет, — ледяным тоном отозвался тот, даже не повернув головы.

— Да ладно тебе. Напугал, что ли? Из-за того, что я крался следом в темноте? — Шэнь Цихань усмехнулся. Других причин для столь стремительной перемены в настроении Линь Цзичу он просто не видел.

«Так он всё прекрасно понимал...» — Линь Цзичу и без того был на взводе, а теперь, услышав это признание, разозлился окончательно. Значит, пугал намеренно.

— Ничуть, — буркнул он, отворачиваясь. Но тут же не выдержал и раздражённо добавил: —

Почти не напугал. Сам подумай: ночь, пустырь, а сзади крадётся кто-то... Первая мысль — грабитель! Кому такое понравится?

Он почти сразу пожалел о своей вспышке. Зачем было так явно показывать обиду? Следовало держаться равнодушно и отстранённо, а сам сорвался и выдал себя с головой. Он сам вручил Шэнь Циханю увеличительное стекло, сквозь которое тот теперь мог без труда читать его истинные чувства.

Этот короткий протест заставил Шэнь Циханя задуматься. Он вдруг осознал, что теперь понимает Линь Цзичу гораздо лучше, тоньше чувствует его настроение. Если бы он был таким внимательным раньше... Если бы попытался разгадать чужие мысли и просто поговорить, они, возможно, никогда не развелись бы. И не потеряли бы эти два года.

Но прошлого не вернуть, и времени вспять не повернуть. Жалеть теперь поздно.

— Прости, — негромко произнёс Шэнь Цихань, виновато опустив голову. — Я действительно не хотел тебя пугать.

Эти искренние слова подействовали как заклинание: от недавней злости Линь Цзичу не осталось и следа.

Линь Цзичу опустил взгляд. Помедлив, он всё же повернул к нему лицо и смущённо пробормотал:

— Ладно... Ничего страшного. Я же сказал, что не испугался.

— И всё равно прости. Глупо получилось. Надо было сразу окликнуть тебя, а не плестись сзади. Клянусь, я не со зла.

Шэнь Цихань заговорил совсем тихо, скорее бубня под нос, так что среди удушливого ночного зноя Линь Цзичу на мгновение показалось, будто это лишь игра его собственного воображения.

Только что Шэнь Цихань улыбался, а сейчас шёл повесив нос, точь-в-точь как обиженный щенок. Смотреть на него без улыбки было трудно, и Линь Цзичу просто не нашёлся что ответить.

Иногда ему казалось, что бывший муж стал совершенно другим человеком, а порой сквозь этот новый образ проглядывал прежний Шэнь Цихань — упрямый, порывистый, до боли знакомый.

Они снова замолчали. Тяжёлый, душный воздух давил на плечи. Вокруг не было ни души — лишь глухая, почти зловещая тишина заброшенных декораций киностудии.

Линь Цзичу никогда не боялся темноты. За годы работы он привык возвращаться в отель в одиночку после ночных смен. Лишь изредка его провожал кто-то из коллег, но чаще всего он делил эту дорогу только с собственными мыслями.

Но сейчас, когда рядом бесшумно вышагивал Шэнь Цихань, удушливая ночь казалась мягче. Даже в этом натянутом молчании Линь Цзичу умудрялся находить крохи прежнего тепла.

Словно он упрямо ковырял глухую кирпичную стену, пытаясь выковырять из неё хоть горсть застрявшего солнца.

— Учитель Шэнь... — не выдержав, тихо позвал Линь Цзичу, когда они прошли ещё пару десятков метров.

— М? — Шэнь Цихань отозвался мгновенно, словно только этого и ждал. Он с надеждой заглянул Линь Цзичу в глаза и добавил: — Я слушаю.

Линь Цзичу замялся. На самом деле ему не так уж важно было знать, зачем Шэнь Цихань увязался за ним. Лишние расспросы лишь растревожили бы старые раны и спровоцировали ненужные разговоры.

Им двигало куда более простое, почти детское желание — просто услышать его голос. Не с экрана телевизора, где он звучал регулярно, а вот так, совсем рядом, предназначенный только ему одному.

Голос Шэнь Циханя, доносившийся из динамиков, всегда заставлял его сердце биться чаще, но живая речь, звучащая здесь, в ночной прохладе, кружила голову гораздо сильнее. Линь Цзичу хотелось растянуть этот момент как можно дольше.

— И всё-таки... зачем ты пошёл за мной? — спросил Линь Цзичу, стараясь говорить как можно ровнее и равнодушнее.

Шэнь Цихань замялся, подбирая слова, но в конце концов выдохнул:

— Да нипочему. Просто захотелось пойти вместе.

Такой уклончивый ответ не убедил Линь Цзичу.

— Хочу услышать правду.

На его бледном лице наконец-то отразилось хоть какое-то живое чувство. Пусть это было всего лишь недоверие, для Шэнь Циханя любая реакция казалась огромным шагом вперёд.

Раз уж Линь Цзичу прямо требовал честности, вилить дальше не имело смысла.

— Ладно. Я испугался за тебя. Ты сегодня столько раз падал во время съёмок... Любой бы на твоём месте уже без сил валился. Я просто не мог оставить тебя одного на этой дороге.

Линь Цзичу строил в голове самые разные догадки, пытаясь объяснить странное поведение бывшего мужа. Он перебрал десяток версий, но ни одна из них даже близко не стояла к истине.

Кто бы мог подумать, что Шэнь Цихань станет настолько проницательным? Прежде он никогда не замечал чужой боли, а теперь вдруг разглядел его измождение и слабость.

Линь Цзичу промолчал. Подходящих слов не находилось, поэтому он предпочёл вновь уйти в глухую оборону, мерно шагая вперёд.

Голова по-прежнему слегка кружилась, а к горлу то и дело подкатывал удушливый ком тошноты. Но удивительное дело — стоило Шэнь Циханю пойти рядом, как эта тупая, изнуряющая боль начала постепенно отступать. Присутствие этого человека действительно оставалось для него лучшим лекарством, пусть и с горьким послевкусием.

Дорога подходила к концу. Метрах в ста впереди замерцали огни — это светились панорамные окна гостиничного холла.

Шэнь Циханя охватила смутная тревога. Он порывисто открыл рот, желая задержать мгновение, но вовремя спохватился: отель — это ещё не конец пути. Впереди их ждал лифт и коридор до самой двери номера. Напряжение, сковавшее грудь, немного отпустило.

У них оставалось ещё немного времени. Несколько драгоценных минут, чтобы побыть вдвоём и, если повезёт, перебраться парой слов.

В глубине души Шэнь Цихань был благодарен судьбе за этот вечер. За последние дни Линь Цзичу совершил над собой колоссальное усилие: он больше не гнал его прочь и даже отвечал на вопросы.

Было ли это добрым знаком, он не знал, но твёрдо решил ценить каждую секунду, проведённую рядом с ним.

— Что планируешь на ужин? — спросил Шэнь Цихань уже гораздо спокойнее, ничем не выдавая недавнего волнения.

Линь Цзичу вяло качнул головой:

— Пока не знаю. Наверное, закажу доставку.

— Скажи, чего хочется, я всё оформлю.

— Я же сказал: ещё не знаю, — упрямо повторил Линь Цзичу.

Шэнь Цихань не стал настаивать. Он лишь тихо добавил:

— Если надумаешь, напиши мне. Закажем вместе, а я спущусь и заберу у курьера.

Ответа не последовало — ни вежливого согласия, ни резкого отказа. Линь Цзичу просто промолчал, и Шэнь Цихань благоразумно не стал испытывать его терпение.

Они вместе переступили порог отеля и направились к лифтам.

Пока кабина плавно поднималась на восьмой этаж, в воздухе висело тяжёлое, глухое молчание.

Шэнь Цихань с горькой усмешкой вспомнил свои недавние надежды на душевный разговор. Реальность в очередной раз безжалостно развеяла его иллюзии, подсунув вместо близости всё ту же неловкую натянутость. Почему жизнь всегда оказывается сложнее, чем кажется?

Как назло, едва они вошли в лифт, утихшая было тошнота накатила с новой, удвоенной силой. Горло сдавило спазмом. Из последних сил сдерживая позывы, Линь Цзичу изо всех сил старался казаться спокойным, лишь бы Шэнь Цихань ничего не заметил.

Однако с каждым пройденным этажом справляться с собой становилось всё труднее. Внутри бушевал настоящий шторм, волны жара и дурноты подступали к самому подбородку.

Линь Цзичу до боли сжал челюсти и низко опустил голову, пряча лицо. По шее градом катился холодный пот, горло судорожно дёргалось. Он отчаянно боролся со слабостью, молясь лишь о том, чтобы кабина поскорее остановилась.

На табло вспыхнула цифра «8», раздался тихий перезвон, и створки дверей плавно разъехались в стороны.

— Линь Цзичу, мы приехали... — вынырнув из своих мыслей, позвал Шэнь Цихань и повернулся к спутнику.

Одного взгляда хватило, чтобы слова застряли у него в горле. В ушах тревожно зашумело.

Не раздумывая ни секунды, Шэнь Цихань рванулся вперёд и подхватил покачнувшегося парня за плечи. Голос его предательски дрогнул:

— Линь Цзичу! Что с тобой?!

Тот был бледен как смерть. Лоб покрылся крупной испариной, одна рука судорожно сжимала воротник на груди, а другая закрывала рот. Напряжённые пальцы дрожали, сквозь кожу проступали тонкие синеватые вены. Его мелко трясло от невыносимой тошноты.

<http://bllate.org/book/18328/1819984>